

Успех эстонцев нам приятен

На фестивале театральных школ «Подийум» показали «Евгения Онегина» Эстонской музыкальной академии в постановке Неэме Кунигаса.

Учебный театр ГИТИСа (РАТИ) в Гнездиновском переулке, самом центре Москвы, — заведение трогательное. Крохотный — зато в точности повторяет интерьер «настоящего»: обитый бархатом партер, ложи, балконы, кулисы. Неисчислима концентрация знаменитостей, нервно истоптавших эту сцену, будучи еще студентами.

Учебные спектакли здесь бывают разные. Вчера был самый настоящий. Причем ждали экзотики — мол, наверняка эстонцы привезут что-нибудь авангардное. Или русофобию какую-нибудь.

Не тут-то было. Режиссер Неэме Кунигас, возглавляющий в таком далеком теперь Таллине театр «Эстония», 48-летний выпускник ГИТИСа, блистательно продемонстрировал, что такое школа.

Камерный спектакль (шел под таперское пианино) при фактическом отсутствии массовых сцен (балов) так тонко обозначал отношения героев, так ярко подал их характеры, что не слишком-то и на учебный походил. Кунигас процитировал со сцены условия самого Чайковского: постановка рассчитана на скромные средства и небольшую сцену.

Пять стволов неведомых деревьев да пара лавок — что там еще за декорации? Но сцена завалена письмами. Одно только это, как можно догадаться, щемяще точно обыграно. Так, под музыку «Девуц-красавиц» няня пытается прибрать этот беспорядок, словно сгребает опавшие листья. А в сцене письма Татьяна сколько раз вспоминается знаменитое тютчевское «Она сидела на полу / И грудю писем разбирала...»

Кажется, лишь Татьяна (Юлия Семенова) и Греммин (Александр Михайлов) владеют русским. Остальные артисты, поющие практически без акцента (их выдает лишь характер звука «х» и нейотированные окончания среднего рода наподобие «признания — излияния»), по-русски в жизни не говорят — для них одинаково петь что так, что по-итальянски, что по-французски. Это тоже очень трогательно, потому что школа — это еще и умение умно работать со словом. Гитисовец всегда поиграет на

разнице между тем, что говорится героем и совершенно противоположной стихией, бушующей в это время в музыке (а значит — в душе героя). Гитисовец никогда не заставит зрителя тупо слушать увертюру перед закрытым занавесом — действие всегда начнется с первыми же ее звуками. И только в постановке гитисовца главные герои так остро будут реагировать на нечаянные или намеренные прикосновения друг к другу (все это помимо музыки и слов). Татьяна так нежно поправит косынку на голове няни. А Ленский, уже сраженный пулей Онегина, будет смотреть на него так удивленно и с остановившимся сердцем падет перед ним на колени. Думайте, зрители, думайте.

И мысли зашли далеко. Подумалось даже и о том, что сегодняшние Татьяны, кажется, тихо и благородно работают в библиотеках и школах. Бойкие и не столь чувствительные Ольги выскакивают замуж за новых русских. Ленские превратились в божжей. А вот что же Онегины, эти циники с остатками совести, обожаемые женщинами?.. Прикидывайте сами. Спектакль традиционный — и, как видите, совершенно современный. Умением это сочетать обладают те самые единицы из миллионов, которые и возглавляют потом крупные театры.

Голоса «немосковские», хотя по части вокальной школы и тут было приложено немало стараний. Притягателен для уха женщины тембр Рене Соома (Онегин). Красавец Андреас Кестер (Ленский) тоже не засидится на бирже оперного труда. Очень хороша Ирис Оя — задиристая насмешница Ольга, чудесная Мерле Сильмат (няня) — редко этот персонаж срывает большие аплодисменты.

При наличии в Москве четырехпяти постоянных «Онегиных» таллинский не оказался лишним. К сожалению, в музыкальной части «Подийума» Москва представлена не таким и ни с каким «Гамлетом» Слонимского в постановке Александра Бармака. Ах, куда ж нам до эстонцев, но их успех на фестивале почему-то очень приятен.

НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА

Время дек. - 2003. - 26 апр. - с. 7.